

ЮБИЛЕИ

ИЛАС АРНИГОН: К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

О. С. Кравчук

В 2018 г. отмечается 130-летие со дня рождения и 80-летие со дня смерти Иласа Арнигона (Газака Тогузова). Представленная публикация посвящена двум этим датам. В статье прослеживаются драматические и трагические события жизни и творчества самобытного осетинского писателя. Автор отмечает, что жизненный и творческий путь Арнигона до сих пор не стал предметом специального рассмотрения. Имеются лишь немногочисленные статьи, освещающие основные факты его биографии. Представленный материал является попыткой объединить разрозненные биографические данные, дать более целостную картину этапов его гражданского и творческого становления. Большую часть сознательной жизни Арнигон провел далеко от Осетии. Как и тысячи осетинских юношей, он покинул отчий дом в поисках лучшей доли, долгие годы прожил на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Но, даже находясь вдали от родины, никогда не забывал о ней. Арнигон уезжал не только ради заработка: «на север в поисках знания шёл я», чтобы вернуться «в Осетию сильным, словно лев», — писал он в одном из стихотворений. В 1934 г. писатель вернулся на родину с большим багажом жизненного опыта и знаний, но попал в «жернова» политических репрессий. Он был осужден как «японский шпион», «буржуазный националист» и расстрелян в 1938 г. в возрасте 49 лет. Творческое наследие Арнигона невелико. Однако и из него широкому кругу читателей известно немного. Жизненный же опыт метафорически точно обобщён в сонете Шамиля Джигкаева, подведшего итоги трагической жизни и трагической судьбы классика осетинской литературы первой половины XX в.

Ключевые слова: Илас Арнигон (Газак Тогузов), осетинская литература, осетинский писатель, поэзия, репрессированные писатели, осетинская грамматика.

The presented publication is devoted to these two dates. The article traces the dramatic and tragic events of the life and work of this original Ossetian writer. The author notes that the life and creative way of Arnigon has not been the subject of special consideration so far. There are only a few articles that cover the basic facts of his biography. The presented material is an attempt to combine disparate biographical data, to give a more complete picture of the stages of its civil and creative development. Arnigon spent much of his conscious life far from Ossetia. The presented material is an attempt to combine disparate biographical data, to give a more complete picture of the stages of its civil and creative development. Arnigon spent much of his conscious life far from Ossetia. Like thousands of Ossetian youths, he left his father's house in search of a better life, and for many years lived in the Far East, Manchuria. The main purpose of the young man was not wealth: «I went North to find knowledge» and to return «to Ossetia strong as a lion», — he wrote in one of his poems. Nevertheless his efforts were labeled «nationalistic» and «counterrevolutionary». He was executed by a firing squad in 1938, at the age of 49. His literary legacy is not large, and only a small part of it is available for the readers. His life experience is summarized with metaphorical accuracy in Shamil Dzhigkaev's sonnet, that concludes the tragic life and destiny of the classic of Ossetian literature of the beginning of the XX century.

Keywords: Ilas Arnigon (Gazak Toguzov), Ossetian literature, Ossetian writer, poetry, repressed writers, Ossetian grammar.

В истории осетинской литературы немало трагических страниц. Одна из них связана с судьбой осетинского писателя Иласа Арнигона (литературный псевдоним Газака Тогузова), 130-летие со дня рождения и 80-летие со дня смерти которого отмечаются в 2018 году.

Газак Иласович Тогузов (в крещении Василий Ильич) родился 10 декабря 1888 г. в селении Ардон Владикавказского округа Терской области в крестьянской семье. Отец умер, когда мальчику не было еще и пяти лет, и его воспитание целиком легло на плечи матери. После окончания начальной сельской школы Газак продолжил обучение в Ардонской духовной семинарии. Это было одно из немногих учебных заведений, где юноши из небогатых осетинских фамилий могли получить бесплатное образование. Семинария дала путевку в жизнь многим представителям национальной интеллигенции. Среди них были будущие писатели Георгий Малиев, Андрей Гулуев и другие. Участь в семинарии, они знакомилась с лучшими образцами русской и мировой литературы, участвовали в проведении литературно-музыкальных вечеров, постановке спектаклей. Закончив учебу в 1909 г., Газак некоторое время работал учителем в горном селении Лац в Куртатинском ущелье. Одновременно начал собирать и записывать фольклорные тексты. Но в результате серьезного конфликта с инспектором школ, выразившим недовольство методами преподавания молодым учителем русского языка, он вынужден был оставить работу, а вскоре покинуть отчий дом и отправиться на чужбину в поисках лучшей доли [1, 5-6].

Сложная экономическая ситуация в Осетии в начале XX в., быстрое раз-

витие капиталистических отношений в регионе при крайне ограниченных производственных возможностях и остром безземелье привели к миграционному «взрыву» и породили такое массовое социальное явление, как отходничество. Осетины уезжали в промышленные города Кавказа, Дальнего Востока, на золотые прииски Сибири, а также в Америку, Австралию и другие страны. «Острый недостаток земли, нищета и голод гнали осетинское крестьянство на заработки в города и промышленные центры России — Ростов-на-Дону, Тбилиси, Баку, Грозный и др. Многие уезжали в Маньчжурию, Америку, Канаду, Аляску. Неграмотные и без какой-либо специальности, они устраивались на самые тяжелые и низкооплачиваемые работы, становились землекопами, лесорубами, шахтерами, тартальщиками... Многие вообще не возвращались, погибая от непосильного труда на чужбине», — писал Х.С. Черджиив [2, 9].

Большими группами осетины отправлялись в город Харбин на строительство Китайско-Восточной железной дороги. Среди них оказался и двадцатидвухлетний Газак Тогузов. В январе 1911 г. он уехал в Маньчжурию. О причинах своего отъезда он писал в стихотворении «Когда взглянул я...» («Куы 'ркакæн...») следующим образом:

Когда взглянул я, о моя Осетия,
на твой дом,
Увидел твою жизнь в темноте, —
Тогда необдуманно ранней весной на север
Направился в поисках снаряжения далеко.
В Осетию сильным, словно лев,
Обратно вернуться собирался я, —
Из нашего края веселым, с надеждами
На север в поисках знания я шел [3, 38].

Довольно ясное представление о годах странствий и скитаний Газака

Тогузова по Маньчжурии и Дальнему Востоку дают материалы допросов, отложившиеся в фондах органов госбезопасности в личном деле писателя после его ареста по обвинению в антисоветской контрреволюционной деятельности: «Осенью 1910 года я не учительствовал, и в январе 1911 года выехал в Маньчжурию заработать деньги и этим обеспечить себе дальнейшее образование. Приехал в г. Харбин, где несколько месяцев прожил без определенного места работы, затем устроился конторщиком в контору участка службы пути на ст. Хандаоходзцы КВЖД. На этой работе пробыл до 1 сентября 1911 года, затем устроился учителем в школу ст. Хинган. В указанной школе проучительствовал до мая месяца 1913 года. Лето прожил в гор. Харбин, а осенью выехал в гор. Владивосток с намерением поступить на учебу в институт. Меня не приняли, как окончившего духовную семинарию по второму разряду, поэтому на зиму я устроился учителем в школу в с. Бринеровка Ольгинского уезда Приморской области. Лето 1914 года я прожил в г. Владивостоке и осенью того же года устроился вольнослушателем первого курса Восточного института. С весны 1915 года был зачислен студентом и начал с этого времени получать стипендию наравне с другими и окончил его весной 1918 года. За время учения в институте я одновременно работал в разных учреждениях на конторской работе. С 1917 года работал в управлении добровольного флота конторщиком и на этой должности остался по окончании института до 1919 года. Летом 1919 года я был призван в колчаковскую армию, но с призывного пункта я бежал и выехал за границу, в Маньчжурию, в г. Харбин. Здесь на разных работах я был до начала

1920 года, затем по приглашению своего земляка — Ревазова Семена Христофоровича (ныне покойного) — выехал совместно с ним в Цицикар, где заболел ревматизмом в острой форме и целый год нигде не работал, а жил на средства, которые я имел от прежней работы. К весне 1921 года я начал поправляться и вернулся в г. Харбин, и до осени 1921 года прожил там без определенной работы. Зимой 1921-1922 годов прослужил в школах на ст. Фуляэрды и Эхо в общей сложности около 4 месяцев, остальное время был безработным и жил на средства, занимаемые у знакомых. С осени 1922 года по весну 1924 года учительствовал на ст. Цаган. Затем был уволен и жил опять без определенной работы до осени 1924 года. По приходе на КВЖД советской администрации, с октября 1924 года я служил учителем в школах Московских казарм и Деповской в г. Харбине, а с осени 1925 года по 1929 год заведовал школой на ст. Хинган.

С осени 1928 года по день конфликта на КВЖД в 1929 году работал преподавателем обществоведения и географии на ст. Кухеду. В период конфликта жил в г. Харбине. С начала 1930 года работал помощником заведующего школой 9-летки на ст. Хандаоходзцы, а с осени 1931 года заведующим этой же школы по 1933 год до лета. С лета 1933 года я был назначен инспектором 4 (учебного) отдела КВЖД в гор. Харбине, на каковой должности я прослужил по день отъезда в СССР, т.е. до 19 сентября 1934 года» [4].

Безусловно, Тогузов был талантливым человеком, разносторонне развитой личностью. Об этом свидетельствовал и его аттестат об окончании Восточного института. В нем было записано: «...при отличном поведении в течение

пребывания своего в Восточном институте на переводных и окончательных испытаниях показал следующие успехи: по богословию, китайскому языку, политической организации Китая, английскому языку, маньчжурскому языку, политической организации Маньчжурии, географии и этнографии Китая, Японии и Кореи, новейшей истории Китая, Японии и Кореи, коммерческой географии Восточной Азии и истории торговли Дальнего Востока, политической экономии, международному праву, государственному праву, гражданскому и торговому праву и французскому языку — весьма удовлетворительные. <...> Василий Тогузов, определением Совета Восточного института от 10 июля (27 июня) 1918 года, удостоен аттестата об окончании с отличным успехом курса Восточного института» [5].

Как следует из протокола допроса Арнигона, он бежал от демобилизации в колчаковскую армию. Спасаясь от преследования, скрытно («зайцем») на товарном поезде добрался до Харбина, а затем Цицикара. В дороге перебивался случайными заработками, давая уроки русского языка китайцам, жил на одолженные деньги, не имея возможности устроиться на работу. К этому времени многие школы на Китайско-Восточной железной дороге были закрыты. После прихода советской администрации он начал работать в открывшейся при Московских казармах школе. Китайские власти настороженно встретили открытие школы. Тогузова неоднократно вызывали в полицейский участок. В конце концов, школу закрыли.

Условия, в которых приходилось поэту жить и работать в те годы, были чрезвычайно сложными. Причем дело было не только в материально-бытовой

неустроенности семьи писателя. Судьба нередко испытывала его, подвергая жизнь крайней опасности. Вот что пишет Ю. Т. Тебиев об одном из таких случаев: «13 декабря 1932 года на станцию Хандаохедзцы прибыл большой отряд хунхузов. Главарем банды был китайский разбойник У-шень. Они увели в плен 109 человек, в том числе и Иласа Арнигона. Пленных загнали в вагоны, увезли на 18 километров от станции и высадили в сопках. Там их разделили на несколько групп и три дня продержали в крестьянских фанзах. Выяснили, кто где работает, сколько получает жалованья, затем повели переговоры о размерах выкупа. Тех, кто не соглашался с крупными суммами, хунхузы жестоко избивали. В одной группе с Арнигоном оказался его друг по работе Ваньяр. После долгих переговоров хунхузы и пленные сошлись в цене: Арнигон должен был уплатить 750 китайских гоби, а Ваньяр — 500. В тот же день их разъединили. Арнигона и других пленных погнали в сопки. Шли всю ночь и весь следующий день в безлюдных горах опасными тропами. К вечеру их привели в какую-то фанзу и продержали там 18 дней. Наконец, Иласа Арнигона, его знакомых учителей Алексея Пятаева, Михаила Елистратова (они были в другой группе) и трех учащихся отпустили. Как стало известно впоследствии, Ваньяр, которому раньше других удалось избавиться от плена хунхузов, внес выкуп и за Арнигона» [1, 8-9].

После революции и в период гражданской войны на родину начали возвращаться осетины, которые в свое время уехали на заработки в Америку, Канаду. Не имея возможности сразу перейти границу, они останавливались в Харбине и порой жили там долгое вре-

мя. Постепенно сложилось Осетинское землячество, которое имело общую кассу, печать, штамп. Одной из важных задач добровольного объединения было оказание помощи нуждающимся. Землячество заботилось и о том, чтобы осетины не забывали родной язык и культуру. Общество организовывало культурные мероприятия, в том числе показ спектаклей.

После установления советской власти, большая часть осетин вернулась на родину. Остальные ждали решения вопроса о выдаче им советских паспортов [6, 102-106]. В то время Илас Арнигон работал в обществе секретарем и помог многим остававшимся в Харбине осетинам получить паспорта. В Музее осетинской литературы имени Коста Хетагурова во Владикавказе хранится благодарственное письмо членов Осетинского землячества: «Тот, кто всеми силами и умом, не жалея себя, трудился для сохранения очага осетинской культуры — это Тогузов Газак. Не надо приводить доказательства тому, что имя Газака всегда на слуху, и осетины вспоминают его и в горе, и в радости за его честь и сердечность. Наше общество желает тебе, чтобы ты никогда не разочаровывался в его работе и впредь продолжал нести имя осетина, традиции осетин. Мужества тебе и исполнения надежд» [5]. Под письмом, датированным 16 ноября 1924 г., стоят подписи 28 человек.

Арнигон всегда был активен в общественной жизни. Во время работы в школах Харбина и Бухеду, он возглавлял местный профсоюз работников просвещения, организовывал многочисленные культурные мероприятия, помогал в постановках спектаклей, выпуске стенгазет. В 1931 г. вступил в чле-

ны ВКП (б).

Чувство патриотизма и желание помочь и поддержать своих земляков, оказавшихся далеко от родины, стремление сохранить родной осетинский язык подвигло поэта на написание и издание на собственные средства «Осетинской грамматики». Книга вышла небольшим тиражом в 1934 г. в Харбине.

Личная жизнь писателя также сложилась в Маньчжурии. В двадцатых годах Илас женился на дочери путевого сторожа — Марии Николаевне Душиной. Семья Николая Матвеевича жила при станции Хинган, Мария ходила там в школу. Однажды в классе появился новый учитель русского языка — «высокий, стройный и... строгий», это и был Газак Тогузов, для учеников Василий Ильич. Его хорошо приняли. Уроки проходили интересно, хотя поначалу, как вспоминала впоследствии вдова поэта, школьники удивлялись: «Нерусский, а как хорошо знает русский язык!» [4].

Пожились они не сразу. Арнигон несколько раз уезжал, потом возвращался. В 1927 г. Мария стала его женой, а еще через семь лет супруги с дочерью Замирой приехали в город Орджоникидзе. По воспоминаниям близких, Тогузов очень любил Осетию и буквально рвался домой.

Когда-то давно, покидая горный край, в стихотворении «Прощай» («Харзбон») он писал:

Последний раз сегодня я возле вас
Стою, мои горы, и плачу.

<...>

Последний раз сегодня живым
Видите, мои горы, вы меня.

<...>

Придет где-нибудь бесславно быстро
Для меня в плохом далеком месте моя
смерть [2, 31].

Однако смерть пришла к писателю именно на родине — быстро и тогда, в общем-то, бесславно.

По возвращении домой Арнигон стал работать литературным редактором в республиканском книжном издательстве. Он занимался и переводческой деятельностью. Перевел на осетинский язык роман Д. Дефо «Робинзон Крузо», ряд произведений А. П. Чехова, Э. Сетона-Томпсона и др.

Но в 1936 г. Газака Тогузова арестовали. Пришедшие за ним рано утром были вежливы, обыск провели поверхностно, даже передали супруге найденные в кармане костюма деньги. У него достало сил улыбнуться жене и сказать: «Вот видишь, Маша, и деньги у тебя есть...» [4] В здание НКВД, расположенное недалеко от квартиры Тогузовых, шли пешком — Газак впереди, а представители комиссариата позади метрах в пяти, как будто отдельно. Ордер на арест подписал заместитель прокурора Северной Осетии К. Д. Кулов, бывший одновременно и прокурором по специальным делам ОГПУ НКВД.

Это было трагическое для страны время политических репрессий. Шла жестокая борьба с малейшим проявлением инакомыслия, с якобы «врагами партии, народа, с презренными наймитами фашизма, троцкистско-буржуазно-националистическими шпионами, вредителями, диверсантами, предателями и прочей мразью» [7].

Арнигону предъявили обвинение в шпионаже в пользу Японии («японский шпион»). Потом добавились обвинения в распространении «националистических взглядов». Иласа неоднократно спрашивали, с какой целью он раздал

писателям и ученым привезенные из Маньчжурии экземпляры «Осетинской грамматики». Ответ, — что он хотел услышать от специалистов оценку своего труда, — не удовлетворял следователей. Его обвиняли также в критике проводимой Советской властью в Осетии национальной политики (более русификаторской, по его мнению, чем в царской России, и сходной с притеснением в Маньчжурии японцами коренного населения), в выступлении против коллективизации, в контрреволюционной троцкистской пропаганде [4]. Любопытно, что главные «свидетели обвинения» по пункту «контрреволюционная троцкистская пропаганда» знали Газака не более двух недель. Это были не владикавказские друзья, соседи, коллеги, а те, с кем обвиняемый отдыхал в санатории Серноводска.

В последнем слове Илас так обратился к суду: «Я прошу оставить мне каплю человеческой жизни, так как мне осталось немного лет жить, имея плохое здоровье, как у меня» [4]. Первоначально приговор был — 10 лет лишения свободы. Но Постановлением Тройки НКВД Северо-Осетинской АССР от 28 декабря 1937 г. Газак Иласович Тогузов был приговорен к высшей мере наказания. Его расстреляли 5 января 1938 г. в возрасте 49 лет.

Через некоторое время после вынесения приговора жену и ребенка выставили из квартиры (двух небольших комнат с кухней и прихожей). Дочь Замира (ей тогда было семь лет) вспоминала: «Вещи пришлось отдать на хранение родственникам и знакомым. У нас были китайские сервизы и другая посуда, привезенная папой из Харбина. Многие вещи затем бесследно исчезли» [4]. Некоторые знакомые и родственни-

ки, как это часто бывало, отвернулись от семьи репрессированного.

В ноябре 1955 г. Илас Арнигон (Газак Тогузов) был посмертно реабилитирован. Решением Президиума Верховного суда СО АССР дело было прекращено за отсутствием состава преступления. А через год, 21 ноября 1956 г. Постановлением Секретариата Союза писателей СССР (по докладу К. М. Симонова) Илас Арнигон был посмертно восстановлен в правах члена Союза.

К сожалению, архивы писателя не сохранились. Невелико и его творческое наследие. Оно вмещает около трех с половиной десятков стихотворений, рассказ «Челе», несколько драматических миниатюр и др. Первая публикация состоялась в 1915 г. в 5-м номере журнала «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»). Два стихотворения («Песня» и «Уастырджи») были подписаны псевдонимом Илас Мизурон (Илас — имя рано потерянного отца, Мизурон — Мизурский, из селения Мизур). Начиная с 1920-х гг. все произведения подписывались уже псевдонимом «Илас Арнигон». В настоящее время определить хронологию написания его произведений проблематично. При этом, как отмечает А. Кодзати, «всё написанное поэтом, отмечено печатью зрелости» [1, 10]. По мнению специалистов, Арнигон сторонился острых социальных проблем. Он изображал картины жизни в дореволюционной Осетии, её людей, природу, оплакивал разлуку с родиной. Некоторые критики усматривали в его стихах пессимизм,

оторванность от жизни, мистицизм, «налет абстрактности». Но Арнигон мастерски раскрывал духовный мир своих лирических героев. «По музыкальности и выразительности стиха, по художественности поэзии Илас Арнигон, пожалуй, не имеет равных среди своих современников», — писал литературовед Х. Н. Ардасенов [8, 247]. Эту же мысль развивал А. Кодзати: «Мастерство поэта с особой силой проявилось в стихотворении «Благослови». По музыкальности оно настолько безупречно, что в осетинской поэзии, пожалуй, нет ему равных. Строки лаконичны и звонки, как удар плетки, несут в себе максимальную эмоционально-смысловую нагрузку. Аллитерации, звуковые анафоры, внутренние рифмы — всё это придает строкам особую стройность и изящество. Стихи свежи, как солнце сквозь капли дождя, они пронизаны светом и благородством чувств поэта» [1, 15].

В современной осетинской литературе есть сонет «Илас Арнигон. Возвращаясь из Харбина», написанный в 1977 г. Его автор, Шамиль Джигкаев, в лаконичной, концентрированной форме следующим образом выразил опыт чужбины и горечь финала судьбы благополучного человека и замечательного писателя:

Из пыли, что осела на моем лице,
На моей забытой могиле получится
курган... [9, 10].

Кургана на могиле нет, как нет и могилы. Но поэт и его произведения не забыты.

1. Кодзати А. Илас Ёрнигон æмæ йæ лирикаæ // Ёрнигон И. Ёрымыс-иу мæн: Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1986. С. 5-15. (на осет. яз.)
2. Черджиев Х. С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1.
3. Ёрнигон И. Ёрымыс-иу мæн: Уацмыстæ. Орджоникидзе, 1979. (на осет. яз.)
4. Тебиев Ю. «Я себя виновным ни в чем не признаю». К 100-летию со дня рождения Иласа Арнигона // Социалистическая Осетия. 1988. 10-11 декабря.
5. Илас Ёрнигон [электронный ресурс]. URL: http://os.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BB%D0%B0%D1%81_%C3%86%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%BD
6. Тебиаты Ю. Ног æрмæг Илас Ёрнигоны тыххæй // Мах дуг. 1978. № 10. Ф. 102-106. (на осет. яз.)
7. Хъодзаты Ж. Ракæсæм нæ цæстæй // Демократическая Осетия. 1993. № 15-16. (на осет. яз.)
8. Ардасенов Х. Н. Очерки развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959.
9. Джыккайты Ш. Ёхсæвы æртытæ: æмдзæвгæтæ, балладатæ, поэмæтæ. Дзæуыджыхъæу, 1990. (на осет. яз.)